ственную определенность и завершенность. Завершенное основание устраняет разрыв между структурами обоснования и тем, что обосновывается: дедуцированное в своей форме и наполненное содержанием оно становится не просто порядком объяснения, но объяснением, которое ведется как бы («как если бы») изнутри вещей. Мир сам по себе, стоящий «за» любым конкретным нечто, и есть то, что связывает все конкретное. Связывание это есть такое связывание, которое производится помимо деления на внутреннее и внешнее. Конкретное связано изнутри, поскольку мир как горизонт смысла не трансцендентен ему, конкретное связано извне, поскольку все тот же мир (и в том же качестве) не имманентен конкретному (не есть «только лишь это», «вот это здесь сущее»). При этом мыслится именно связь конкретного, а не оно само, поэтому то, что объясняется, обосновывается основаниями конкретным не является и являться не может. Связь же конкретного, напротив, максимально конкретна и в этом смысле проблемы не представляет.

Таким образом, прорыв к конкретному осуществим только как попытка мышления мира как предельно конкретного нечто. Тот факт, что мир не имманентен конкретному как таковому, ничуть не мешает реализации этой попытки. В самом деле, конкретное как таковое всегда отделено в своей конкретности, следовательно, мир не имманентен лишь «этому», отделенному, отдельно взятому конкретному. С другой стороны, мыслимая в конкретном связь приводит к следующему результату: для полноты обоснования, определения познания «этого конкретного» требуется либо промыслить все его связи, либо, в силу невозможности это сделать, выявить некую общую закономерность, позволяющую реконструировать ту или иную связь. Следовательно, до результата подобной работы мыслимое конкретное есть, собственно говоря, одно единственное конкретное бесконечно дифференцированное в многообразии собственных (здесь внутренних) связей.

Понятно, что двойственность конкретного есть и результат конкретизации содержания мира, различенности его смыслов, и результат действия предпосылки, полагаемой в основаниях. Действительно, основания есть результат предпосылочного мышления, в котором изначально заложена двойственность, разделение на «еще» и « уже». Как и сами основания эта двойственность посредством мира наполняется содержанием, а мышление конкретного в непроясненном горизонте мира самого по себе оказывается мышлением двойственного. Конкретное дробится, делится, ускользает посредством своей причас-

тности миру. Только прояснение смыслового горизонта мира позволяет конкретному стать равным себе самому, а мышлению прорваться к конкретному.

Попытка удерживания мира в его определенности или, что то же самое, мышление мира есть попытка предоставить ему свободу самопроявления, самораскрытия и одновременно попытка включить в конкретное (конкретность мира как такового) единичность вещи («этого») и мыслимость абстрактности («как такового», «вообще). При этом как абстрактное мир проявляется через ряд сущих, данных и т.д., не являясь при этом всеобщим, а как непосредственно данное — обнаруживает конкретность собственного содержания, не являясь при этом вещью. Тогда мышление мира выводит к проблеме неопределенности его статуса: мир не может быть непосредственно положен в качестве объекта, но и объективация мира есть объективация в нем самом и посредством себя самого. Эта проблема разрешима только в том случае, если опосредованная проявленность мира, равно как и непосредственность его данности есть, одновременно, его самообъективация и необходимые этапы этой объективации. В таком случае, мир выступает здесь как начало, причем начало содержательное, тогда как мышление оказывается лишь формальным началом. Однако начало по определению не знает не только разделения на форму и содержание, но не знает и оппозиции «разделенное — неразделенное», «знающее разделение — не знающее разделение». Следовательно, данное деление начала на формальное и содержательное, равно как и разделение на начало формы и начало содержания есть деление, производимое «разделенным», то есть деление по основанию (в логическом смысле) основания. Здесь попытка удержания мира в его определенности оборачивается противопоставлением мира как содержательной предпосылки оснований самореализующемуся миру как содержательному же источнику этой предпосылки.

Сопряженность мира с мышлением легитимирует также то, что беспредпосылочное мышление единственным объектом имеет само себя: беспредпосылочное мышление мыслит себя посредством полагаемого объекта и через него (или в нем) возвращается к себе самому. Эта легитимация замыкает мир на самом себе, но мир не является ни вещью, ни абстракцией. Следовательно, самоутверждение мира не является утверждением конкретного в его «этости», равно как и утверждением абстрактного в его «чтойности». Мир здесь оказывается попросту границей, тем, относительно чего можно сказать: «мир есть все». Самореализация мира есть, в таком случае, и движение мысли,

творящей свой совершенный объект, и постоянно становящееся, завершенное в себе нечто, которое является сутью всего, являясь лишь сутью себя самого. Такой мир есть просто конструкт мысли, стремящейся иметь объект, соответствующий ей самой.

Таким образом, самореализующийся мир оказывается здесь включенным в сферу реальности, содержательно обращенной на реализующее ее (реальность) мышление. Как и мышление, стремящееся удержать себя в качестве беспредпосылочного, самореализующийся мир противопоставлен сфере действительности, в которую включен «мир сам по себе». Очевидно, что, образовавшийся зазор между реальностью и действительностью, зазор между непроясненностью мира как смыслового горизонта и мира как конструкта, содержащего в себе все возможные горизонты, есть зазор, требующий своего содержательного субстрата. В самом деле, ни содержательность и конкретность связей обоснованного, ни возможные структуры, образованные этими связями, ни инварианты этих структур (также возможные) не являются самодостаточными. Эта несамодостаточность есть собственная характеристика обосновывающего и беспредпосылочного (не чистого беспредпосылочного) мышления, собственное содержание которого берется из так или иначе «положенного» объекта. Сопряженность этого объекта с самим мышлением (как основанием или как началом) указывает на границы самого мышления, то есть на то, что достаточным условием самореализации мышления является сам объект во всей его многообразной конкретности. Иными словами, так же как для реализации любого возможного нечто требуется мышление этого нечто, для реализации мышления требуется то, в чем оно должно реализовываться. Тогда проблема мира есть проблема саморазворачивающейся границы, ведь мир как конструкт является ни чем иным как границей, отделяющей только лишь форму мышления от многообразного содержания возможного мыслимого, то есть мира в его полноте.

3.Осмысляющее мышление и «регионы» мира.

Сопряженность мира с мышлением легитимирует и даже требует для прорыва к полноте мира следующего хода: не только предоставить миру свободу самореализации, но и освободить мир от себя самого. Эта свобода означает лишь, что мир здесь перестает сказываться о самом себе. В том, как проявлен мир, не ищется критерий, по которому мир можно было бы определить как отличное, отдельное и отделенное от того, что он включает в себя. Подобное «освобождение» означает, с одной стороны, то, что полнота мира оказывается для самого мира таким же горизонтом (мир есть то, что не попадает область

мышления, сознания, простого наличия, — мир есть сам по себе). С другой стороны, мышление как сопряженное с ним оказывается содержательно, а не только формально, свободным, то есть имеет себя своей собственной целью в реализации мира. Как цель самого себя мышление также оказывается горизонтом, в котором и через который реализуется все мыслимое. Не мысля и не заключая больше к миру, мышление целиком и полностью предоставляет себя всему многообразию содержания мира, поскольку именно он свободно реализуется и, тем самым, возвращается к себе самому. Мышление же как то, что происходит в мире и в нем является свободным, являясь свободным лишь в самом себе, дает возможному мыслимому стать для себя объектом, проявиться во всем своем многообразии, то есть также возвращается к себе.

Поскольку и мир, и мышление являются горизонтами единичного и само единичное есть для них также горизонт, постольку имеет место взаимоограниченность мира и мышления (как начала) с одной стороны и единичного с другой. Эта взаимоограниченность сопряжена, в свою очередь, с реализацией единичного мышлением и миром, с фактом того, что единичное есть результат (по крайней мере, как данность) их (мышления и мира) сопряженности. На основании выше изложенного можно заключить, что имеют место регионы единичностей, заданные двоякой сопряженностью мышления, мира и самих единичностей. Понятно, что эти регионы есть завершенные в своей полноте возможности реализации начала, вопрос о единстве которого, по-прежнему остается открытым.

Бранский В.П.
(СПбГУ)

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ФИЗИКИ В ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Философия физики XX века связана с анализом философских проблем трех фундаментальных физических теорий — теории относительности (Эйнштейн, 1905-1916), квантовой механики (Бор, 1913-1928) и физической синергетики (Пригожин, 1947-1969). Анализ этих проблем показывает, что философия физики XX века является такой областью знаний, которая далеко выходит за пределы интересов только физиков и специалистов по методологии физики и вторгается в сферу интересов не только представителей всех естественных, но и

всех гуманитарных наук. Поэтому философия физики должна входить в тот минимум знаний, которым следует овладеть каждому образованному и культурному человеку. Незнакомство с философией современной физики можно сравнить с незнакомством с историей человечества в XX веке, включая ключевые события этого века в развитии мировой культуры. Чтобы понять, откуда проистекает тот высокий статус, который философия физики приобретает в современной культуре, надо принять во внимание несколько причин. Рассмотрим их последовательно.

1. Прежде всего, философия физики является хорошей школой формулировки философских проблем. Сам стиль физико-математического мышления приучает к конкретной постановке философских проблем в любой области знаний без той неопределенности, туманности и многозначности, без того «растекания мысли по древу», которое так затрудняет анализ этих проблем и поиск их решений в разных сферах социальной деятельности. Как хорошо известно, многие трудности в поиске ответов на философские вопросы связаны именно с неумением (а подчас и с нежеланием!) правильно сформулировать саму проблему. Кажущаяся неразрешимость некоторых философских проблем нередко проистекает из их некорректной формулировки. Схоластический характер многих философских дискуссий, как правило, обусловлен именно этим обстоятельством.

2. Сравнительная простота физических объектов (по сравнению с биологическими и социальными объектами) сильно облегчает исследование закономерностей как объективного мира, так и познания, имеющих общенаучное значение. Это происходит потому, что здесь они выступают в наиболее простой форме, не будучи затемненными и замаскированными разными усложняющими факторами, как это наблюдается в биологических и социальных науках. Простота проявления общенаучных закономерностей в области физических явлений и физического познания особенно заметна при исследовании природы научной теории на примере физической теории. Именно физическая теория обнажает суть всякой настоящей теории как синтеза эмпирического и умозрительного знания с предельной ясностью, чего нельзя сказать в отношении понятия теории в других (особенно гуманитарных) науках. Аналогично анализ истории формирования научной теории на примере физической теории ясно показывает, почему нельзя сводить этот процесс только к двум стадиям — эмпирической и теоретической, — игнорируя различия между нефундаментальным и фундаментальным теоретическим исследованием с одной стороны и прин-

ципиальное значение умозрительного исследования как особой стадии в развитии научного исследования с другой стороны. Тем самым физическая теория показывает, каким требованиям должна удовлетворить всякая достаточно развитая («зрелая») теория в любой сфере научного исследования. Без знания этого идеала научной теории нельзя добиться существенного прогресса в теоретической деятельности как в области других естественных наук, так и в гуманитарных науках.

Физическая теория также показывает всю важность гармоничного сочетания качественного и количественного методов исследования, что игнорируют некоторые естественные и многие гуманитарные науки. В равной степени на примере физической теории особенно очевидна необходимость гармоничного сочетания в любом научном исследовании феноменологического (познание объекта со стороны явления; возможно более полное описание явлений) и нефеноменологического, или эссенциального (познание объекта со стороны сущности; возможно более полное объяснение явлений) подходов к исследуемой предметной области.

3. Философия физики привлекает внимание к привилегированному положению научной деятельности в отношении претензий на объективную истину в любых сферах культуры. Как известно, в истории мировой культуры периодически возникает решительная оппозиция такому взгляду (иногда называемому «наукоцентризмом»). Действительно, философия обобщает все виды социальной деятельности (экономическую, политическую, юридическую, художественную, религиозную и т.д.), а не только научную деятельность. Поскольку научная деятельность является лишь одной из разновидностей социальной деятельности, то приписывание какой-то привилегии науке в поисках объективной истины с первого взгляда кажется необоснованным.

Однако в таком ходе рассуждений есть один уязвимый момент, к которому привлекает внимание именно философия физики. Он заключается в существенном различии при подходе к исследованию ненаучных разновидностей социальной деятельности со стороны научной и ненаучной философии. Дело в том, что научная философия обобщает все виды социальной деятельности не непосредственно (как это делает ненаучная философия), а опосредованно, т.е. через «призму» науки. Это значит, что она смотрит на все виды ненаучной деятельности через «призму» теорий этих видов деятельности. Другими словами, научная философия обобщает не непосредственно экономическую, политическую, юридическую, художественную, религиозную и другие виды ненаучной деятельности, а теорию экономики, теорию

ципиальное значение умозрительного исследования как особой стадии в развитии научного исследования с другой стороны. Тем самым физическая теория показывает, каким требованиям должна удовлетворить всякая достаточно развитая («зрелая») теория в любой сфере научного исследования. Без знания этого идеала научной теории нельзя добиться существенного прогресса в теоретической деятельности как в области других естественных наук, так и в гуманитарных науках.

Физическая теория также показывает всю важность гармоничного сочетания качественного и количественного методов исследования, что игнорируют некоторые естественные и многие гуманитарные науки. В равной степени на примере физической теории особенно очевидна необходимость гармоничного сочетания в любом научном исследовании феноменологического (познание объекта со стороны явления; возможно более полное описание явлений) и нефеноменологического, или эссенциального (познание объекта со стороны сущности; возможно более полное объяснение явлений) подходов к исследуемой предметной области.

3. Философия физики привлекает внимание к привилегированному положению научной деятельности в отношении претензий на объективную истину в любых сферах культуры. Как известно, в истории мировой культуры периодически возникает решительная оппозиция такому взгляду (иногда называемому «наукоцентризмом»). Действительно, философия обобщает все виды социальной деятельности (экономическую, политическую, юридическую, художественную, религиозную и т.д.), а не только научную деятельность. Поскольку научная деятельность является лишь одной из разновидностей социальной деятельности, то приписывание какой-то привилегии науке в поисках объективной истины с первого взгляда кажется необоснованным.

Однако в таком ходе рассуждений есть один уязвимый момент, к которому привлекает внимание именно философия физики. Он заключается в существенном различии при подходе к исследованию ненаучных разновидностей социальной деятельности со стороны научной и ненаучной философии. Дело в том, что научная философия обобщает все виды социальной деятельности не непосредственно (как это делает ненаучная философия), а опосредованно, т.е. через «призму» науки. Это значит, что она смотрит на все виды ненаучной деятельности через «призму» теорий этих видов деятельности. Другими словами, научная философия обобщает не непосредственно экономическую, политическую, юридическую, художественную, религиозную и другие виды ненаучной деятельности, а теорию экономики, теорию

политики, теорию права, теорию искусства, теорию религии и т.п. Причем речь должна идти не о каких угодно теориях, а об «истинных» теориях в том смысле, в котором это общенаучное понятие рассматривается на примере физической теории. Поэтому любые философские обобщения любых видов ненаучной деятельности, если они не опираются на адекватные реальности теории этих видов деятельности, заведомо не могут быть «истинными». Именно в этом и только в этом смысле можно говорить о привилегированном положении научной деятельности и ее результатов в истории мировой культуры. И именно в этом состоит один из важнейших уроков философии физики. Подобно тому, как связь научной философии с физической реальностью обнаруживается через посредство различных физических теорий, точно так же связь этой философии с социальной реальностью должна устанавливаться через посредство различных социальных теорий.

4. Наконец, общенаучное и общекультурное значение философии физики проявляется через социальную синергетику, которая является закономерным развитием и далеко идущим обобщением физической синергетики. В образе социальной синергетики философия физики выстраивает достаточно прочный и потому достаточно надежный мост между естествознанием и обществознанием, указывая путь, следуя которым можно перевести фундаментальные проблемы социального бытия и социального познания на научные рельсы. Впервые в истории мировой философии оказывается возможным получить рациональное решение эсхатологической и экзистенциальной проблем в рамках последовательного научного мировоззрения. Уже одно это обстоятельство убедительно свидетельствует в пользу того, что философию физики XX века следует изучать не только представителям конкретных наук (как естественных, так и общественных), но и философам, социологам, культурологам, искусствоведам, религиоведам и другим гуманитариям, деятельность которых связана с обобщением различных специальных наук.

У специалиста с гуманитарным уклоном может возникнуть вопрос: не преувеличивают ли специалисты в области философских проблем современной физики роль физики XX века и ее философии в развитии мировой культуры в ушедшем столетии? Нет ли здесь крена в популярный в 30-х годах XX века физикализм, несостоятельность претензий которого была убедительно показана многими авторами в последующие годы? Нетрудно, однако, заметить, что все перечисленные тезисы (1), (2), (3) и (4) не имеют ничего общего с философией физикализма, популярной в 30-х годах XX века. Эта философия, действительно, гипертрофировала значение физики, незаконно экстрапо-

политики, теорию права, теорию искусства, теорию религии и т.п. Причем речь должна идти не о каких угодно теориях, а об «истинных» теориях в том смысле, в котором это общенаучное понятие рассматривается на примере физической теории. Поэтому любые философские обобщения любых видов ненаучной деятельности, если они не опираются на адекватные реальности теории этих видов деятельности, заведомо не могут быть «истинными». Именно в этом и только в этом смысле можно говорить о привилегированном положении научной деятельности и ее результатов в истории мировой культуры. И именно в этом состоит один из важнейших уроков философии физики. Подобно тому, как связь научной философии с физической реальностью обнаруживается через посредство различных физических теорий, точно так же связь этой философии с социальной реальностью должна устанавливаться через посредство различных социальных теорий.

4. Наконец, общенаучное и общекультурное значение философии физики проявляется через социальную синергетику, которая является закономерным развитием и далеко идущим обобщением физической синергетики. В образе социальной синергетики философия физики выстраивает достаточно прочный и потому достаточно надежный мост между естествознанием и обществознанием, указывая путь, следуя которым можно перевести фундаментальные проблемы социального бытия и социального познания на научные рельсы. Впервые в истории мировой философии оказывается возможным получить рациональное решение эсхатологической и экзистенциальной проблем в рамках последовательного научного мировоззрения. Уже одно это обстоятельство убедительно свидетельствует в пользу того, что философию физики XX века следует изучать не только представителям конкретных наук (как естественных, так и общественных), но и философам, социологам, культурологам, искусствоведам, религиоведам и другим гуманитариям, деятельность которых связана с обобщением различных специальных наук.

У специалиста с гуманитарным уклоном может возникнуть вопрос: не преувеличивают ли специалисты в области философских проблем современной физики роль физики XX века и ее философии в развитии мировой культуры в ушедшем столетии? Нет ли здесь крена в популярный в 30-х годах XX века физикализм, несостоятельность претензий которого была убедительно показана многими авторами в последующие годы? Нетрудно, однако, заметить, что все перечисленные тезисы (1), (2), (3) и (4) не имеют ничего общего с философией физикализма, популярной в 30-х годах XX века. Эта философия, действительно, гипертрофировала значение физики, незаконно экстрапо-

лируя некоторые неуниверсальные закономерности физического знания на любые области знаний. В отличие от этой философии по- сы (1), (2), (3), и (4) показывают роль философии физики в открытии тези- новых общенаучных закономерностей, имеющих общефилософское значение. Это значение можно кратко резюмировать в виде следую- щей схемы:

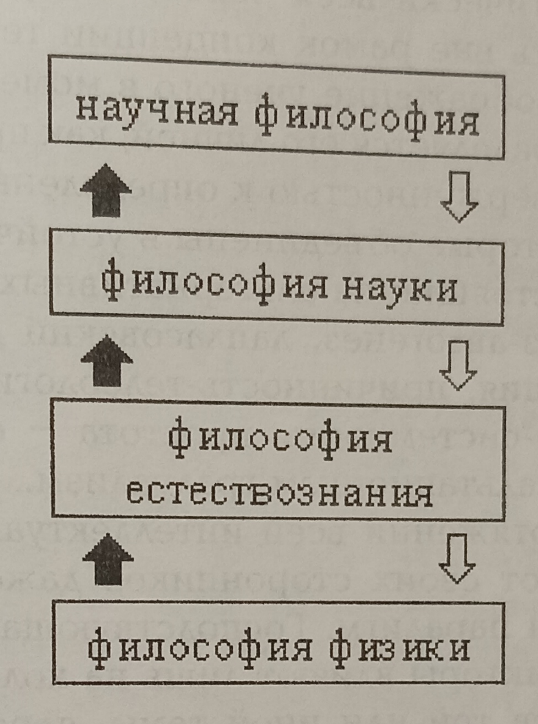

Схема иллюстрирует то взаимодействие, которое должно существовать между философией физики и философией гуманитарных наук (поскольку общая философия науки обязательно включает в себя как философию естествознания, так и философию обществознания (что подчеркнуто на схеме жирной рамкой)). Из этого взаимодействия сле- дует, что влияние философии физики на формирование общей (и при- том «положительной») философии науки предполагает существование обратной связи (серые стрелки), которая должна способствовать даль- нейшему развитию самой философии физики. Значит, философия физики не есть нечто неизменное, не подверженное развитию, но ее эффективное развитие возможно (как ясно из схемы) только в рамках развивающегося научного мировоззрения. Таким образом, в XXI веке нельзя будет быть квалифицированным специалистом в любой облас- ти знаний, не имея никаких представлений о философии физики XX века и о ее вкладе в мировую культуру.

Колчинский Э.И.
(СПбФ ИИЕТ РАН)

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Историю практически всех основных проблем эволюционной теории трудно понять вне рамок концепции тематического анализа науки Г.Холтона.. Воображение ученого в момент выбора методологии исследования определяется его личной, как правило, неявной даже для него самого приверженностью к определенным темам, число которых невелико и которые объединены в устойчивые структуры (диады и триплеты), состоящие из альтернативных аксиом: стахигенез-номогенез, эктогенез-автогенез, лапласовский детерминизм-статистическая детерминация, причинность-телеология, преформизм-эпигенез, элементаризм-системность, простота – сложность, креационизм – эволюция, сальтационизм-градуализм.. Эти структуры воспроизводятся на протяжении всей интеллектуальной истории человечества и сохраняют своих сторонников даже в период научных революций или смен парадигм. Господствующая парадигма и социально-культурные факторы влияют лишь на количественное соотношение приверженцев той или иной темы, ядро которых в каждой группы составляют люди, чьи убеждения не могут поколебать никакие когнитивные или идеолого-политические аргументы. В зависимости от состояния биологических знаний и их интерпретации, социально-культурного контекста и моды большинство научного сообщества примыкает к одной из альтернативных точек зрения.

Вопреки банальным изречениям, в дискуссиях по этим темам истина и не рождается, и не умирает. В лучшем случае каждый остается при своем мнение. Дискуссии вокруг арийской физики в нацистской Германии и пролетарской биологии в СССР, а также борьба различных школ и направлений в эволюционной теории, физиологии, генетике показали, что в тоталитарных государствах оппонентов старались поставить на путь истины при помощи партийно-правительственных органов и репрессивного аппарата. Но никакие идеологические проработки и репрессии не смогли искоренить в СССР сторонников номогенеза, механоламаркизма, неокатастрофизма или СТЭ.

Приверженность ученого к подобным темам определяется неким психологически обусловленным выбором, который в конечном счете служит главным источником его творческой энергии, побужда-

ющей к созданию нового знания или отстаиванию своей позиции даже в тех случаях, когда она не разделяется большинством научного сообщества. Выбор темы зачастую мало зависит от когнитивной научной деятельности ученого и нередко детерминируется событиями, происходившими еще в детстве, задолго до ее профессионализации. Здесь действует механизм импрессинга, схожий с импритингом у животных. В основе когнитивной деятельности лежит некое неявное знание, которое невозможно ни доказать, ни поколебать какими-либо рационалистическими или эмпирическими приемами (Полани, 1986). Иногда его нельзя даже облечь в вербальную форму и передать другому, что обуславливает ожесточенность дискуссий и затрудняет поиск консенсуса в науке по этим проблемам. Тематическая привязанность вносит существенные поправки в чисто инструменталистские или утилитаристические установки науки.

Наряду с другими социолого-психологическими, политическими и практическими мотивами, влияющими на развития науки в целом и эволюционно-биологических дискуссий в частности, личное убеждение включено в текст научных исследований, наполняя ученого чувством глубоко удовлетворения, создавая иллюзию проникновения в некие глубинные истины. Набор этих тем ограничен, так как наши когнитивные способности оставляют для нас мало вариантов допустимых событий. В результате каждая из них переживает периоды подъема и упадка, забрасывания и возвращения, искоренения из господствующих парадигм и новое возрождение. При этом даже смена эпистем (Фуко, 1977) не оказывает существенного влияние на структуру тематических диад и триплетов. Их устойчивость позволяет историкам науки избежать казалось бы неразрешимого противоречия антикваризма-презентизма. Объединяя внешне несоизмеримые и альтернативные теории, они дают возможность в концепциях разных эпох, цивилизаций и школ выявлять черты постоянства, обеспечивая тем самым диалог ученых прежних эпох с современностью.

Самые последовательные поклонникам релятивизма В.Куйана или эпистемологического анархизма П.Фейерабенда признают существование этих надисторических и несвязанных культурными рамками концептуальных подходов к объяснению познаваемого объекта. Они предопредели формирование традиций и школ в эволюционной теории, палеонтологии и исторической геологии, дискуссии о движущих силах и закономерностях эволюции органического мира, в течении которых оппоненты столетиями не слышат аргументы друг друга.

Однако только индивидуальными пристрастиями трудно объяснить периодическое оживление тех или иных концепций, становящихся иногда модными и излюбленными сюжетами не только научной, но и публичной прессы. Их модность в значительной степени объясняется господствующим в научном сообществе менталитетом. Так, например, вначале номогенез Л.С.Берга (1922) и филогенетический преформизм А.А.Любищева (1925) были атакованы прежде всего по биологическим, а затем уже по идеолого-политическим соображениям. Как новую вылазку антидарвинизма их сразу оценили биологи старшего поколения В.М.Шимкевич, Б.М.Козо-Полянский, Н.А.Никольский, В.Н.Талиев. Лишь в дальнейшем к их критике присоединились биологи-марксисты И.И.Агол, Б.П.Токин, И.И.Презент и др. Хотя идеи, близкие к номогенезу, впоследствии встречались в сочинениях В.Н.Беклемишева, А.А.Заварзина, П.А.Светлова, в целом они оказались забытыми не столько отечественными, сколько и зарубежными биологами. Ссылки на книгу Берга «Номогенез или эволюция на основе закономерностей» крайне редки в сводках по теории эволюции 1930-1990-х гг., несмотря на то, что книга трижды переиздавалась в Англии и США в 1926, 1969 и 1971 гг., т.е. в странах, где не было политического давления на биологические дискуссии. Предисловие к третьему изданию написал Ф.Г.Дображанский, общепризнанный основатель СТЭ.

Иной судьба трудов Берга была в СССР. В начале 70-х гг., когда интеллектуальная оппозиция марксизму в нашей стране стала усиливаться, интерес к идеям Берга резко возрос. Некоторые из его главных эволюционных трудов были переизданы в 1977 г., а в начале 1980-х гг издан и сборник статей А.А.Любищева по систематике, морфологии и эволюции.. Эти публикации вызвали новую полемику вокруг идей Берга и Любищева, так как многие в них увидели альтернативу официально поддерживаемому в те годы селекционизму, и пропаганда их стала своеобразной формой безопасного диссидентства. Появились даже попытки отнести «творческий дарвинизм» к селекционизму, а августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 г. объявить кульминацией процесса огосударствления дарвинизма. Делались прогнозы о схождении дарвинизма «с исторической сцены» (Чайковский, 1993).

Теперь же идеолого-политическая составляющая дискуссий вокруг проблем дилеммы номогенез-селекционизм практически сошла на нет и у нас. И выяснилось, что слухи о смерти дарвинизма «явно преувеличены». В странах Западной Европы и США эволюционные работы, выполненные с позиций теории естественного отбора по-прежнему доминируют. Альтернативные концепции эволюции, будь то тео-

рия прерывистого равновесия С.Гоулда и Н.Элдриджа, или же организменные, системные, термодинамические теории эволюции и т.д. (Riedl, 1975; Gutmann, Bonik, 1981; Wuketits, 1981; Reid, 1985; Edlinger et all, 1991; Weingarten, 1992, 1993; Depew, Weber, 1994; Sapp, 1994; 1999; Gutmann, Voss, 1995; Smith, Szathmary, 1999) несмотря на высокую активность их авторов имеют мало сторонников.. Немного апологетов у отечественных вариантов недарвиновских концепций, как, например, эпигенетическая теория эволюции (Шишкин, 1981)). Неодарвинизм не вызывает сомнений у большинства биологов и фактически представляет идеологию современной биологии, — признает и очередной критик «неодарвинизма» (Гродницкий, 1999).

Подавляющее большинство статей в международных историко-биологических периодических изданиях «Журнал истории биологии», «История и философия наук о жизни», «История и теория биологии» и др. также написаны с позиций селекционизма. Биологи на Западе выступают с резким критическим анализом книг по истории и философии эволюционной теории, в которых содержатся нападки на дарвинизм, забыты реальные проблемы биологии и доказывается научный статус метафизических концепций, отвергнутых предшествующим развитием науки. Так, например, крупнейший орнитолог В. Бок (2000) пишет, что принимаемые метафизические концепции определяются прежде всего научного сообщества и популяционной биологии нет нужды возвращаться к типологической концепции вида, построенной на недоказуемом тезисе о реальном существовании идеальных прообразов.

Несколько иначе дело обстоит в нашей стране, где по-прежнему критика дарвинизма воспринимается на «ура» не только историками и философами, но и некоторыми биологами. И дело здесь не только в извечном стремлении представить Россию "родиной слонов» и выдвинуть собственных пророков, провозглашающих особый путь развития и российской науки. Антидарвинизм и борьба против парадигм, принимаемых международным сообществом биологов, стали некой национальной традицией и причины этого, на мой взгляд, коренятся во временах усиленной пропаганды советского творческого дарвинизма. Тогда еще на школьной скамье знакомились с биологией и эволюционной теорией по учебникам В.А.Алексеева, Е.А.Веселова, В.А.Дворянкина, Н.В.Лебедева и других сторонников Лысенко., а первоначальное философское образование советские биологии в долгое время получали благадоря сочиненям В.М.Каганова, В.И.Колодяжного, И.И.Новинского, Г.В.Платонова, И.И.Презента, Д.М.Трошина. Их труды были

минсью цитат из 3-ей главы «Краткого курса ВКП(б) и комментирования работ Т.Д.Лысенко, В.Р.Вильямса и О.Б.Лепешинской, провозглашенных корифеями «передовой агробиологической науки»,.

Лысенкоизм представлял собой мещанину каких-то обломков науки, не связанных друг с другом, и донаучных верований. Среди них можно найти фрагменты и номогенеза Берга, и исторической биогенетики Соболева, и филогенетического преформизма Любищева: закономерность (номогенез) – «наука – враг случайности» (лысенковщина); массовая перечеканка особей на больших территориях (номогенез) – массовая переделка особей под влиянием внешней среды и воспитания (лысенковщина); эволюция идет массовыми скачками (номогенез) – внезапное порождение новых видов (лысенковщина). Да и наследование приобретаемых признаков, а также отрицание творческой роли борьбы за существование и отбора заимствовано лысенкоистами из номогенеза.. Осознавая это, номогенетики всячески подчеркивали антинаучный характер лысенкоизма.. И в борьбе с ним в одном лагере были и дарвинист В.Н.Сукачев и антидарвинист А.А.Любищев, а лысенкоисты били одновременно и номогенетика Л.С.Берга, и дарвиниста Н.К.Кольцова.

Однако при этом произошла подмена понятий. Лысенковизм преподносился как творческое развитие учения Ч.Дарвина., и часть биологов, невольно отождествляя современный дарвинизм (СТЭ) с «советским творческим дарвинизмом», не могут примириться с теорией естественного отбора... Другие, напротив, помня нападки лысенкоистов на неодарвинизм, стали приверженцами определенных тем до начала научной карьеры, В их трудах отчетливо прослеживаются доводы, навеянные соображениями о науке как враге случайности, о строгой закономерности эволюции, об единстве организма и среды, о целесообразности как исходном свойстве живого, о наследственности как свойстве всей клетки, о системно-целостной реакции организма на воздействие внешней среды, о скачкообразном порождении видов и более крупных таксонов и т.д. Конечно, все они не приемлют лысенкоизм, понимая, что он всецело порожден социально-политической системой сталинизма. Однако с его философских установок пытаются осмыслить данные современной биологии. Снижение активности сторонников номогенеза в нашей стране за последние 15 лет, возможно, связано с постепенном уходом со сцены представителей поколения, начинавшего научную карьеру во времена лысенковцев.

Вместе с тем сходство постулатов лысенковшины и номогенетических концепций эволюции порождено некими общими глубинными

эвристическими установками, обусловленными приверженностью всех критиков селекционизма определенным фундаментальным темам. Различные судьбы номогенетических концепций Берга и Любищева в нашей стране и за рубежом наглядно демонстрируют как многообразие эвристик и индивидуальная приверженность к определенным темам сложно взаимодействуют с идеолого-политическими и социально-культурными факторами, оказывающими значительное влияние на ход научных дискуссий, создавая впечатление окончательной победы какой-либо одной из альтернативных концепций. То же самое справедливо и относительно судьбы неокатастрофизма., как мы старались недавно показать на примере многовековой дилеммы неокатастрофизм и селекционизм.

Бавра Н.В.
(СПбГУ)

О РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Цель сообщения: обсуждение различных подходов к рациональности науки, а также положения о том, что социальный характер внутренне присущ науке и что состязание является необходимой частью науки. Рассуждение основывается на выделении четырех видов состязания; последние соотносятся с четырьмя видами рациональности: технологической рациональностью, рациональностью нормальной (по Т.Куну) науки, политической рациональностью и философской рациональностью.

Обосновывается также утверждение о том, что наука как целое рациональна тогда, когда существует взаимодействие между различными видами рациональности. Поддерживается тезис о том, что в науке необходимо должно присутствовать не только дисциплинарное разделение, но и методологическое разделение деятельности.

В англо-американских исследованиях науки существует два классических подхода к рациональности науки. Они могут быть названы философско-методологическим подходом и каузально-социологическим подходом, соответственно. Для методологического подхода рациональность значит очень много, для каузального подхода рациональность не значит практически ничего.

Методологический подход исходит из того, что можно улучшить рациональность науки, улучшая установки и действия каждого отдель-

ного ученого. Данный подход, который К.Поппер называет крузонианской методологией и рациональностью[39], совпадает с универсалистским понятием рациональности и содержит неявное трехчастное предположение, состоящее в том, что 1) ученый может быть рациональным в одиночку, 2) все ученые подчиняются одним и тем же методологическим правилам, и 3) наука рациональна, когда все ученые рациональны.

В современной социологии показано, что коллективная или социальная рациональность, в общем, не сводится к индивидуальной рациональности. Однако эта несводимость практически не принимается во внимание при обсуждении научной рациональности.

Социология знания, как правило, является социальной и каузальной, а традиционная философия науки скорее является индивидуалистической и рационалистической. Если взглянуть на науку с социологической перспективы, соединяя цель, состоящую в улучшении рациональности, с социальным и рационалистическим подходом, то основной вывод будет состоять в том, что монометодологическая крузонианская рациональность должна быть заменена мультиметодологической социальной рациональностью. Наличие методологического разделения деятельности в науке является рациональным, особенно это касается общественных наук.

В 23-й главе своей знаменитой книги «Открытое общество и его враги» К.Поппер, подчеркивая социальный характер науки, говорил и о крузонианской науке. Тем не менее, методология самого Поппера в существенных чертах является индивидуалистической. Согласно Попперу, ученые не могут быть полностью рациональными в одиночку, поскольку они испытывают потребность в критицизме, который необходимо является социальным. Однако специфические методологические правила К.Поппера являются вечными и универсальными правилами для всех ученых. Поппер не упоминает о разделении деятельности ученых с точки зрения метода. В трехчастном предположении, приведенном ранее, он умеряет первое положение, но присоединяется к двум другим.

Рациональность науки рассматривается как вид рациональности средств и целей. Эта точка зрения базируется на четырех специальных утверждениях:

1)наука необходимо является социальным институтом,

---

[39] См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. II. Гл. 23

2)одна из целей науки — достижение более правдоподобного понимания и объяснения природы, общества и человека,

3)науке присуща рациональность средств и целей, которая в принципе может быть улучшена,

4)социальная рациональность не сводится к индивидуальной рациональности.

Исходя из предположения о том, что научному сообществу присуща не только сплоченность, но и состязательность, можно выделить различные виды состязания, на основе классического труда Г.Зиммеля[40], различающего состязание и другие формы конфликта.

Прежде всего, проводится различие между «противоборством» и «параллельным» состязанием. Это различие в применении к науке[41] частично совпадает с различием между «твердыми», имеющими специальные фиксированные методологические правила (например, физика) и «мягкими» науками (например, история литературы). Если в физике на стадии нормальной науки, именно благодаря наличию фиксированных методологических норм имеет место параллельное состязание, то в истории литературы для периода нормальной науки характерно противоборство. И стадия нормальной науки, и революционные периоды в науке включают в себя состязание, но состязание разного рода.

Различаются также «ориентированное на публику (непрофессионалов)» и «ориентированное на исполнителей (сообщество ученых)» состязание. Данное различение в приложении к науке совпадает с различием между прикладным и фундаментальным исследованием, соответственно. Выделение указанных видов состязания позволяет составить матрицу, состоящую из четырех клеток.

Рассматривая различные виды рациональности, можно сделать вывод о том, что для технологии скорее характерна рациональность, которую можно обозначить как целесообразность, поскольку в технологии рационально работать, скажем, с устарелыми теориями. Рациональность, типичная для метафизики и для стадии борьбы парадигм, может быть обозначена как философская рациональность. Очевидно, что она отлична от рациональности, характерной для стадии нормальной науки.

---

[40] См.: Simmel, G. Conflict. L., 1955.

[41] См.: Johansson I. Pluralism and Rationality in the Social Sciences//Philosophy of the Social Sciences, Vol.21 No.4, 427-443.

Касаясь вопроса о разделении методологического труда и состязании, отметим, что для стадии нормальной науки в большей степени характерно состязание, «ориентированное на исполнителей», а поскольку методологические нормы в нормальной науке фиксированы, то это «параллельное» состязание. Прикладное исследование и соответствующая технология могут быть оценены по результатам, что характерно для состязания, «ориентированного на публику». Как и в нормальной науке, здесь имеют место фиксированные методологические правила, что характерно для «параллельного» состязания.

Для периода борьбы парадигм (к примеру, в физике) характерно противоборство, «ориентированное на исполнителей». Конфликт парадигм в физике ориентирован на исполнителей, поскольку без соответствующей подготовки в области физической науки невозможно понять аргументацию, кроме того отсутствуют конкретные стандарты, на основании которых конфликт может быть разрешен.

Таким образом, вместо одной научной рациональности имеются три различных вида рациональности, соотнесенных с тремя видами состязания.

Делая вывод о существовании особого вида рациональности, характерной для общественных наук, рассмотрим в качестве примеров такие дисциплины, как экономика и социология. Надо отметить, что как в экономике, так и в социологии в большом количестве присутствуют элементы «параллельного» состязания, «ориентированного на исполнителей», наряду с рациональностью, типичной для нормальной науки. Такого рода состязание соответствует как теоретическим исследованиям с использованием математических моделей и статистических методов, так и эмпирическим исследованиям, которые проводятся для того, чтобы выяснить, что же в действительности представляет собой наше общество.

Быстрое принятие решений в прикладных областях экономики и социологии требует обоснования. Научный интерес, заключающийся в обнаружении того, как проявляются экономические тенденции и почему имеют место взлеты и падения, требует как развития теории, так и обширного числа эмпирических данных. Какого рода данные нужны и в каком количестве, определяется исключительно существующими теориями и потребностью в развитии теории, которая должна быть правдоподобна. С другой стороны, какого рода данные и в каком количестве они требуются прикладной науке, определяется, как правило, другими целями. Цели исследования, относящегося к принятию решения об изменении процент-

ной ставки, не требуют ни такого количества данных, ни подобной точности, как в фундаментальных исследованиях.

Многие исследования, относящиеся к сфере общественных наук, ко времени публикации уже оказываются устаревшими. Следовательно, в социальных науках еще более важно, чем в естественных науках, провести различие между различными видами рациональности: тем, который пригоден для прикладных научных исследований, и тем, который подходит для нормального фундаментального исследования. Философия социальной технологии необходима в такой же степени, как и философия обычной машинной технологии.

Машинная технология и прикладное естествознание имеют целью производство изобретений. Создание новых форм организации, новых правил и новых законов в обществе должно рассматриваться как социальные изобретения. Политики и управляющие выступают в таком случае изобретателями. Специалистов по принятию решений можно рассматривать как социальных изобретателей, несмотря на тот факт, что большинство решений, конечно же, являются шаблонными решениями.

Многие специалисты по принятию решений, как в общественном, так и в частном секторе, прибегают к помощи ученых, специализирующихся в области общественных наук, нанимая последних для обоснования принимаемых решений. Специалисты в области общественных наук выполняют функции консультантов по принятию решений и их деятельность соответствует работе ученых-естественников, проводящих прикладные исследования. Необходимо должно существовать концептуальное и методологическое разделение между фундаментальными и прикладными исследованиями в сфере общественных наук, так же как оно существует в естественных науках.

В отличие от физики, которая долгое время была изолирована от обсуждения политико-идеологических тем, общественные науки зачастую естественно вовлечены в схватки подобного рода. Это различие объясняет мультипарадигмальный характер социальных наук и монопарадигмальный характер физики. Парадигмы в экономике и социологии обычно частично совпадают с политическими идеологиями, а это означает, что соответствующее столкновение парадигм часто включает в себя как «ориентированное на публику» состязание, так и состязание, «ориентированное на исполнителей». Парадигмы общественных наук могут оцениваться и непрофессионалами, поскольку последние занимают определенные политические позиции.

В экономике и социологии столкновение парадигм зачастую является состязанием, «ориентированным и на исполнителей, и на публику», и подобное столкновение является противоборством. Данный факт нельзя не принять во внимание при обсуждении рациональности общественной науки. Невозможность освободиться от элементов состязания, «ориентированного на публику», существующих вокруг столкновения парадигм в экономике и социологии, заставляет задуматься о том, как возможно регулировать данную особенность общественных наук.

Таким образом, существует еще один малоисследованный вид рациональности, которому соответствует состязание парадигм, «ориентированное на публику», и характерный для общественных наук, рациональность которых, в частности в экономике и социологии, является мультиметодологической рациональностью.

Тузов В.В.
(СПбГЭТУ)

СИНЕРГЕТИКА СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Синергетическая эпистемология несет в себе большой эвристический потенциал. Он содержится как в открытых ею закономерностях, так и в ее принципах и понятиях. При этом необходимо ясно представлять ее возможности и органичения. Совершенно очевидно, что в ближайшем будущем синергетики столкнуться с рядом вопросов на которые в рамках данного подхода ответов не найти. Если внимательно посмотреть на структуру синергетики, то явно прослеживается связь с философской методологией, точнее с диалектикой. Ряд положений синергетики по своей сути есть конкретизация диалектического закона взаимного перехода количественных изменений в качественные. Они показывают механизм возникновения нового качества. Благодаря синергетике абстрактная философская схема превращается в содержательную модель.

Такое объединение философской и синергетической методологий позволяет расширить их познавательные возможности и раздвинуть границы применения синергетики. Это необходимо для того, чтобы применить синергетическую модель развития открытых, нелинейных систем к анализу исторического процесса.

Для этого представим общество, взятое в его истории, в качестве социальной системы. Эта социальная система может быть структурированной, сформировавшейся целостностью. Но может быть рассмотрена и как самоорганизующаяся система, находящаяся в процессе становления, т.е. как социальная среда. Синергетическая трактовка среды как единого начала, носителя различных форм будущей организации, поля неоднозначных путей развития имеет важное методологическое значение. Такое понимание среды во многом совпадает с философской категорией «субстанция».

Рассмотрим некоторые особенности строения социальной системы (среды) и механизм ее развития. Социальная среда имеет два структурных уровня: микроуровень и макроуровень. Элементами микроуровня являются отдельные индивиды, а элементами макро-сообщества индивидов (общины, государства, империи). Эти уровни неразрывно связаны и взаимообусловлены.

Поскольку невозможно провести анализ всех сторон процесса развития социальной среды, рассмотрим механизм развития ее макроуровня. Этот уровень представлен взаимодействием человеческих сообществ (локальных социальных систем) между собой. Как показывает доступная для изучения история человеческого общества, основным типом взаимодействия одного сообщества с другим была война. Цели, причины, мотивы военных действий могут быть различные. Однако должны быть глубинные процессы, которые с таким постоянством заставляют одних людей убивать других.

Анализ процессов, протекающих на среде, проведенный в рамках синергетики, дает толчок для понимания процессов на социальной среде. Ключевое значение имеет тезис о том, что диссипация (рассеяние) играет роль резца, которым скульптор постепенно, но целенаправленно отсекает все лишнее от каменной глыбы. (См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным. Вопр. философии. 1992. № 12. С 9.) Аналогичный процесс представлен и в законе естественного отбора Ч.Дарвина. Это говорит о том, что какую бы форму движения материи мы не рассматривали, процессы протекающие в открытых, нестационарных, нелинейных системах подчиняются одним законам. Исходя из этого обобщения мы можем предположить, что и на социальной среде должны действовать силы диссипации, с помощью которых происходит отбор тех или иных форм социального. С этой точки зрения война вполне может выступать в роли способа отбора наиболее устойчивых к воздействию внешней среды социальных форм (локальных социальных систем).

Здесь необходимо ответить как минимум на два вопроса: во-первых, в чем корениться причина войн; во-вторых, каков критерий отбора социальных форм на среде. Основная причина войн, как мне представляется, лежит в психике человека как биологического существа. Природа заложила в каждое живое существо стремление выжить и дать потомство. Это субъективно выражается в стремлении стать первым среди себе подобных. Сначала соперники оказывают психическое воздействие друг на друга, с целью показать свое превосходство в силе, ярости, агрессивности и т. п. Если демонстрация не приводит к желаемому результату, соперники переходят к физическому взаимодействию, драке.

В социуме действие этого природного механизма сдерживается культурой. Если эта функция культуры ослабевает, в силу каких либо причин, то природное начало проявляет себя в поведении людей. Поскольку во главе сообществ стоят обычные люди, то природный механизм регулирования поведение с уровня взаимодействия отдельных индивидов переходит на уровень взаимодействия отдельных сообществ.

Второй вопрос касается критерия отбора социальных форм на социальной среде. В качестве такого критерия выступает понятие устойчивости локальной социальной системы. Та локальная социальная система, которая способна противостоять разрушающему воздействию внешних факторов является устойчивой. Однако сразу же возникает новый вопрос о том, что является основой устойчивости системы. Устойчивость локальной социальной системы обеспечивает закон, который я обозначил как «закон социальной справедливости» или закон соответствия атрактора локальной социальной системы социальному аттрактору. Прежде чем сформулировать его, необходимо выявить сущность социального как такового и структуру-аттрактор последнего.

Сущность социального выявляется через противопоставление биотического и социального сообществ. Сущность сообщества животных можно обозначить через понятие «природный эгоизм». Сообщество не имеет самостоятельного значения для воспроизводства вида. Оно способствует выживанию наиболее приспособленных к среде особей и сохранению потомства. Целостность его обеспечивается через действие природных механизмов (инстинктов), в результате чего возникает структура доминирования-подчинения, через которую регулируется взаимодействие особей в сообществе (структура-аттрактор).

Человеческое сообщество как целое имеет самоценность. Именно целостность сообщества, невыделенность из него индивидуального «Я» обеспечивает как сохранение каждого его члена, так и воспроиз-

водство вида. Вместо структуры доминирования-подчинения в социуме господствует равенство элементов. Это достигается за счет подавления с помощью культуры инстинктивного поведения, и замены его на разумное, сознательное. Сущность социального можно выразить через понятие «гуманизм». Структура-аттрактор социального — равенство.

Обозначив таким образом сущность социального, сформулируем понятие закона социальной справедливости. Суть этого закона состоит в том, что устойчивость конкретной локальной системы зависит от того, насколько ее структура-аттрактор соответствует социальному аттрактору. Отклонение от социального аттрактора регулируется мерой. Выход за пределы меры делает систему неустойчивой.

Рассмотрим теперь механизм процесса исторического развития, процесс взаимодействия локальных социальных систем на социальной среде. На сегодняшний день в развитии социальной системы (среды) можно выделить два качественно различных состояния. Первое можно обозначить как равновесное, а второе как неравновесное состояния. Равновесное состояние представлено некоторым количеством одинаковых человеческих сообществ- первобытных общин. В результате действия источника нарушается равновесность внутри сообщества. Оно приобретает неравновесную структуру-аттрактор (доминирование-подчинение). Начинает формироваться неравновесность и среди локальных сообществ. Кооперативные процессы усиливают ее. Возникает неравновесная структура и на макроуровне социальной среды.

На этапе равновесного состояния социальной среды источником ее изменения было развитие культуры, которое связано с деятельностью разума. На этапе неравновесного состояния появляется дополнительный источник, действующий автоматически, т. е. инстинктивное стремление живого существа к доминированию. Возникает механизм самоорганизации. Социальная среда приходит в движение. Война становится естественным процессом жизнедеятельности.

Война это борьба за первенство на социальной среде. Сильный структура-аттрактор притягивает к себе слабые, поглощает их. В результате сиситема становится более устойчивой. Именно поэтому сильная, устойчивая локальная социальная система стремиться подчинить себе, как можно большее количество соседних локальных систем. Распространить свою культуру, образ жизни, форму организации. Именно поэтому такая страсть у разных правителей и народов к созданию империй.

Одновременно действуют два фактора отбора: внутренний и внешний. Внутренний фактор — закон «социальной справедливости», внешний — закон естественного отбора.

Таким образом на социальной среде происходит отбор таких форм организации социального, которые в наибольшей степени соответствуют социальному аттрактору, сущности социального. Этот процесс отбора осуществляется в автоматическом режиме самоорганизации, так как разум человека не в состоянии пока управлять сознательно своей жизнедеятельностью. Процесс на социальной среде не только отбирает оптимальные формы организации социального в рамках локальных сообществ, но и структурирует саму социальную среду на макроуровне. В результате самоорганизации она переходит от хаотического взаимодействия локальных социальных систем к структурированному состоянию. В этом состоянии взаимодействие локальных систем детерминировано структурой.

Литвинова А.Л.
(СПбГУ)

ВАРИАНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУПЕРАТТРАКТОРА В СОЦИУМЕ

Как известно, под аттрактором в синергетике понимают достаточно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество ее «траекторий», определяемых разными начальными условиями. Аттрактор близок понятию «цель», означая направленность поведения открытой нелинейной системы. Таким образом, аттрактор можно понимать как «конечное состояние», завершающее определенный этап эволюции системы.

Предельных состояний, к которым стремится система в своем развитии, два- иерархизация и дезорганизация.[42] Иерархизация системы предполагает также наличие суператтрактора.

Обратимся к «духовной самоорганизации общества», так как идейный контекст, складывающийся из целей, идеалов, норм, значений, ценностей, истин и заблуждений, — местопребывание человека — направляет его во всех жизненных ситуациях и определяет смысл его существования. Стремление к достижению наилучших результатов в любой

[42] Бранский В.П.Социальная синергетика и теория наций. СПб., 2000.

сфере жизнедеятельности, различение добра и зла, истинного и ложного, прекрасного и безобразного предполагает наличие объективного и безусловного критерия.

Переживаемое духовное бытие открывается в сознании действующей, творящей и оценивающей личности как транссубъективное, как превосходящее ее реальность.[43]

Открытый в синергетике закон дифференциации и интеграции идеалов определяет тенденцию к формированию абсолютного идеала, который складывается на базе относительных. Суператтрактор, в свою очередь, — «результат реализации абсолютного идеала — суперпозиции всех духовных инвариантов, содержащихся во всех относительных системах». Суператтрактор является пределом усложнения глобальной системы, дальше которого усложнение пойти не может, т.е. это предел культурного развития человечества».[44]

Таким образом, суператтрактор предполагает достижение целостности, полноты, завершенности, совершенства, максимума.

Проблема, на наш взгляд, состоит в выяснении того, какие факторы, определяющие функционирование и развитие общества, могли бы претендовать на выполнение столь сложной роли абсолютного идеала, или суператтрактора.

Обращение к различным трактовкам Абсолютного позволяет сформулировать следующие принципиальные положения; 1/ точное логическое определение Абсолюта противоречит его металогической сущности; абсолютное — совершенно другое, нежели определенность,- это «всеобщая, безусловная целостность»[45], т.е. здесь по определению, не может быть никаких пределов.

2/ Этимологически «абсолютное» означает «совершенно отделенное», «совсем другое», вместе с тем оно есть «всеприсутствующее, всему общее и во всем наличествующее».[46]

3/ абсолютное- это «абсолютный максимум», т.е. «актуально все возможное бытие».[47]

4/ абсолютное — это «завершенное, законченное, совершенное».[48]

---

[43] Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

[44] Бранский В.П.Социальная синергетика и теория наций. С. 85.

[45] Франк С.Л. Русское мировоззрение. С. 69.

[46] Там же.

[47] Кузанский Н. Об ученом незнании. СПб., 2001. С. 52.

[48] Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. СПб., 1994. С. 76.

Таким образом, подлинное бытие в его абсолютной полноте, вне определенных формул и границ, абсолютное совершенство вне каких-либо сравнений, степеней и границ, т.е. бытие и предельное совершенство, неотделимые друг от друга, — это Абсолют, или Бог. И он «удовлетворяет» всем требованиям, предъявляемым абсолютному идеалу и с содержательной, и с формальной точек зрения, ибо «для Бога необходимо любить всех и осуществлять вечную идею Блага. Бог не может враждовать, в Боге не может быть ненависти; любовь, разум, свобода для Бога необходимы».[49]

Глобальные проблемы, бросившие вызов человечеству, фундаментальная из которых — духовный кризис, внешне проявляющийся в массовых явлениях наркомании, алкоголизма, убийств и самоубийств, — свидетельство того, что проблема персонального существования человека в мире на сегодняшний день не получила надлежащего решения.

Человек, даже высокообразованный, довольно-таки легко впадает в иллюзии относительно значимости собственной персоны. В тех случаях, когда нарушается привычный уклад жизни, когда «рвется социальная ткань», человек заглядывает внутрь себя и, неожиданно обнаружив собственную никчемность и ничтожество, впадает в состояние отчаяния и безнадежности. Общество гарантий не дает, у него самого нет ни внутреннего стержня, ни точки опоры. Человек перед выбором; либо фундаментальная зависимость от того, что свыше него, и тогда спасение только в «сверхъестественном плане бытия», либо...

На протяжении развития общества возникали различные идеалы, стремясь к которым люди надеялись создать справедливое и стабильное общество, гарантирующее им изобилие, безопасность и защиту [к примеру, идеалы обустройства индивидуальной жизни в гедонистическом или эвдемонистическом варианте, общество массового потребления, коммунистический рай на земле; образ идеального человека — мудреца, остающегося неизменно спокойным при любых обстоятельствах, конфуцианского «благородного мужа», гражданина античного полиса, служащего его интересам, идеального мужа или жены, мужчины или женщины — «Мисс» разного масштаба — от районного центра до Вселенной и, не последнего по значимости, идеального общественного устройства, всемирной монархии и т.п. и т.д.] При всем их разнообразии мерилом их высоты и совершенства оставался человек — «мера всех вещей». Хотя «современный человек сознает себя

[49] Там же С. 52.

внутренне свободным, выше всякого внешнего, от него не зависящего начала, и утверждает себя центром всего», он, в сущности, не может быть абсолютным мерилом себя и окружающей действительности, ибо он является «только одной бесконечно малой и исчезающей точкой на мировой окружности».[50]

Если исходить из того, что человек — это сложный синтез природного, биологического, психического и духовного [тело, душа и дух], и эти составляющие человеческой природы пребывают в различных пропорциях, склоняя в сторону своего максимального удовлетворения, можно предвидеть, к каким результатам придет человеческое сообщество, где искусство отстаивает эстетическое начало в противовес нравственному, культивируется «откровенность и вольность плоти», а ведущую роль играет «материально-телесный низ».

Главный закон иерархизации потребностей, по А.Маслоу; высшие потребности возникают только в том случае, если достаточно насыщены «низшие» /физиологические, потребность в безопасности/. Высшие потребности — «потребности роста» — это потребности в социальных контактах, в самооценке — в самоуважении, достижении, признании, одобрении, — в самоактуализации. Однако, самореализация, как известно, может выражаться в антиобщественном поведении, противоправных действиях, действиях против человечности.

Преодоление такого нравственного качества, как совесть и стыд, утрата чувства святости и благоговения вместе с эволюцией брачносемейных отношений /от «таинства» через «общественный договор», при котором нравственной стороне отношений придавалось особое значение, к неустойчивому гражданскому браку/ в значительной степени способствовало появлению и распространению детской беспризорности, криминалитету, алкоголизму, наркомании, убийствам и самоубийствам.

Распространение и внедрение в сознание СМИ ценностей западного мира, таких как «деньги, власть, престиж» способствует скорее дезорганизации социальной системы.

Таким образом, даже весьма поверхностное рассмотрение влияния различных идеалов позволяет сделать вывод; образ Абсолюта «прагматичен», ибо он является ценностным и непревзойденным нравственным ориентиром в жизни как отдельного человека, так и сообщества. Стремление к Абсолюту есть наилучшее решение выбора между Доб-

---

[50] Кузанский Н. Об ученом незнании. СПб., 2001. С. 49.

ром и Злом. Вера в Абсолют /как всеполноту, всеохватность и совершенство бытия/ повышает и меру ответственности человека за свое пребывание на Земле и в космическом пространстве.

Вера в Бога способствует удержанию и масс, и отдельных индивидов в рамках принятых обществом благоразумных норм поведения. Эту функцию религии хорошо понимали многие философы разных времен и народов. Развал империй, разрушение привычного уклада жизни напрямую связаны с «разрухой в головах людей», к которой ведет подмена подлинных и высоких идеалов.

Решить проблему нравственного воспитания с помощью марксистской идеологии не удалось. «Моральный Кодекс строителя коммунизма», оставшийся на бумаге, забыт; полиция нравов вряд ли сможет кардинальным образом исправить ситуацию, в которой нравственное одичание и нравственная деградация становятся статистически выраженным явлением.

Дорошенко Н.М.
(Санкт-Петербург)

О СООТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вопрос о соотношении исторической науки и философии сложен и противоречив. Поставлен он был несколько столетий назад, но особую остроту он приобрел в 20 веке, когда в ходе многочисленных дискуссий его обсуждение велось в различных философских аспектах: онтологическом, гносеологическом. логическом, методологическом и аксиологическом. Рассмотрим их подробнее.

В онтологическом аспекте историческая наука и философия истории соотносились как два уровня их предмета — исторического бытия. Наиболее четко принцип деления наук по предмету был выдвинут в Германии В.Виндельбандом, Г.Риккертом, Э.Мейером, в России — Д.М.Петрушевским в ранних статьях и др. По мнению Виндельбанда, « одни из них суть науки о законах, другие — науки о событиях; ...одни отыскивают общие законы, другие — отдельные исторические факты. /Виндельбанд В.Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб..1904.С.320- 324/. Противопоставив науки по предмету, он противопоставляет их по методу как номотетические или номографические и индивидуализирующие или идиографические.

ром и Злом. Вера в Абсолют /как всеполноту, всеохватность и совершенство бытия/ повышает и меру ответственности человека за свое пребывание на Земле и в космическом пространстве.

Вера в Бога способствует удержанию и масс, и отдельных индивидов в рамках принятых обществом благоразумных норм поведения. Эту функцию религии хорошо понимали многие философы разных времен и народов. Развал империй, разрушение привычного уклада жизни напрямую связаны с «разрухой в головах людей», к которой ведет подмена подлинных и высоких идеалов.

Решить проблему нравственного воспитания с помощью марксистской идеологии не удалось. «Моральный Кодекс строителя коммунизма», оставшийся на бумаге, забыт; полиция нравов вряд ли сможет кардинальным образом исправить ситуацию, в которой нравственное одичание и нравственная деградация становятся статистически выраженным явлением.

Дорошенко Н.М.
(Санкт-Петербург)

О СООТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вопрос о соотношении исторической науки и философии сложен и противоречив. Поставлен он был несколько столетий назад, но особую остроту он приобрел в 20 веке, когда в ходе многочисленных дискуссий его обсуждение велось в различных философских аспектах: онтологическом, гносеологическом. логическом, методологическом и аксиологическом. Рассмотрим их подробнее.

В онтологическом аспекте историческая наука и философия истории соотносились как два уровня их предмета — исторического бытия. Наиболее четко принцип деления наук по предмету был выдвинут в Германии В.Виндельбандом, Г.Риккертом, Э.Мейером, в России — Д.М.Петрушевским в ранних статьях и др. По мнению Виндельбанда, « одни из них суть науки о законах, другие — науки о событиях; ...одни отыскивают общие законы, другие — отдельные исторические факты. /Виндельбанд В.Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб..1904.С.320- 324/. Противопоставив науки по предмету, он противопоставляет их по методу как номотетические или номографические и индивидуализирующие или идиографические.

Хотя Виндельбанд противопоставляет, главным образом, исторические и естественные науки, но историческую науку он однозначно причисляет к индивидуализирующим или идиографическим наукам. Такого же мнения придерживался Э.Мейер «...предметом истории всегда является исследование и изображение частных, единичных фактов». /Мейер Э. Теоретическме и методологические вопросы истории М..1911, С.40/. Противопоставление предметов исторической науки и философии приводило к противопоставлению задач историка и философа: историк описывает события; философ объясняет их; историк констатирует исторические факты, философ обобщает их и на основе обобщения создает исторические теории. Разница, следовательно, в уровне обобщения исторического материала. В определенной степени эта традиция продолжалась в советской философской литературе, где сопоставлялись предметы исторической науки и исторического материализма. В ходе неоднократных дискуссий выявились три концепции. Согласно первой, излагаемой в философских работах конца 50-х – начала 60-х годов В.С.Калашникова, И.Сосонкина, Е.Ф.Сулимова, Ж.Туленова и др. предметом исторической науки являются исторические факты, события, а предметом исторического материализма – законы общественной жизни. Подчеркивая теоретический статус исторического материализма, авторы этой концепции невольно оставляли историческую науку на эмпирическом уровне. Сторонники второй концепции, особенно ярко проявившейся в дискуссии конца 60-х – начала 70-х годов в трудах М.А.Барга, А.Я.Гуревича, Н.А.Девяшина, Е.М.Жукова, А.Я.Кертмана, С.Попова, Е.Б.Черняка, С.Д.Яроша и др., предметом исторической науки стали считать не только исторические факты, но и законы на уровне особенного, так называемые «особые исторические законы» или «специфические исторические закономерности», а предметом исторического материализма – законы на уровне общего. Представители третьей концепции, характерной для дискуссий начала 80-х, включали в предмет исторической науки законы всех уровней абстрагирования /общего, особенного и единичного/, как бы одетые в «конкретно-исторические одежды». В итоге установка только на предмет, только на разные уровни исторического бытия, без учета познавательных средств и способов получения исторических знаний привела к разочарованию в онтологическом подходе и смене ориентаций.

На первое место выдвинулся гносеологический или эпистемологический подход, сторонники которого вслед за Кантом акцентировали внимание на проблемах, связанных с историческим знанием, спо-

собами его получения и критериями проверки его истинности. В отличие от онтологического подхода здесь предметом исторического познания стало признаваться не историческое бытие, а историческое знание. В этом аспекте историческая наука и философия истории соотносились как два уровня исторического знания. Процесс исторического познания мыслился как процесс сопоставления одних исторических знаний с другими, ранее достигнутыми; процесс получения новых знаний — как историческая критика. Различие между исторической наукой и «критической философией» виделось в уровнях исторической критики. Уделом историка объявлялась критика исторических источников. Удел философа — критика знаний, добытых разными историками. Главная задача философа — поиск критериев истинности исторических знаний и на их основе проверка и отбор истинных знаний и отбрасывание ложных или сомнительных концепций. Задачи этого направления одним из первых выразил В.М.Хвостов в 1914г.: «Критическая философия должна отправляться от факта научного познания и базироваться на данных, добытых научным исследованием. При этом она ставит задачей выяснить самые первоосновы научного знания. Специальной проблемой философии является, прежде всего, проблема гносеологическая, т.е. вопрос о самом познании, его предмете и его образовании, и о границах эмпирического познания, затем философия ставит себе целью исследовать те общие принципы, которые лежат в основе уже добытого знания, попытаться свести их в систему и, в случае нужды, предложить свои гипотезы для восполнения пробелов, оставляемых наукой, но с сознанием предположительности такого рода дополнений. Понимаемая таким образом философия не только не содержит в себе элементов, вредных для науки, но, напротив, является необходимой предпосылкой научного исследования, помогает науке уяснить самое себя. Те задачи, которые критическая философия выполняет вообще по отношению к науке, философия истории выполняет специально по отношению к исторической науке» /Хвостов В.М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М,.1914. С. 6-7/.

С гносеологическим подходом оказались тесно связаны логический методологические подходы. В логическом аспекте историческая наука и философия истории соотносились как два уровня исторического исследования, два уровня исторического мышления. В задачи исторической науки представителями логического позитивизма вменялось проведение исторических исследований, в задачи философии истории — операциональное определение практики исторического

исследования, обоснование применяемых в историческом исследовании формально-логических структур, формулировка правил исторического исследования. Задача философа — указать критерии правильности исторических построений /на различие критериев правильности и истинности справедоиво указывал П.В.Копнин/. Философу, таким образом, отводилась роль контролера или ревизора, проверяющего правильность исторических конструкций.

В методологическом аспекте историческая наука и философия истории сопоставлялись как два разных способа исторического мышления. Метод исторической науки определялся как конкретно-исторический, метод философии истории — как абстрактно-логический. Отличие этих методов, как известно, подробно разъяснялось Ф.Энгельсом. В методологической литературе совершенно справедливо указывалось и указывается на две тенденции: одна связывается с обобщением методологического опыта историков, другая — с применением философской методологии к конкретно-историческим исследованиям; одна связывается с обобщением методологического опыта историков, другая — с применением философской методологии к конкретно-историческим исследованиям. Наличие этих двух тенденций отмечал М.М.Хвостов: «Тут призваны работать рука об руку и историки, и философы. Первые должны внести сюда привычку к анализу конкретного исторического материала, сознательный эмпиризм, отличный от прежнего эмпиризма, «инстинктивного», вторые принесут пользу своей привычкой возвышаться над определенной группой явлений и применять к анализу этих явлений общие теоретико-познавательные принципы» /Хвостов М.М.К вопросу о задачах истории. Сб. Статей, посвящённых В.О.Ключевскому.М..1909. С.794-795/. Эти две тенденции прослеживаются и в зарубежной методологии истории /У.Дрей, Э.Хобсбоум и др./.

И, наконец, в аксиологическом аспекте, сущность которого при-
менительно к исторической науке выяснялось в Германии в трудах
Г.Риккерта. а в России — в трудах Н.И.Кареева. А.С.Лаппо-Данилевс-
кого, В.М.Хвостова и др., историческая наука и философия различа-
лись как разные системы ценностей. Риккерт полагал, что историчес-
кой науке вообще не следует производить ценностный отбор, отнесе-
ние к культурным ценностям. По его мнению, «царством ценностей»
может заниматься только философия истории: «Предоставив всю об-
ласть эмпирического бытия специальным наукам и подчинившись не-
обходимости отречься от желания проникнуться в метафизическую
сущность мира, философия оставляет себе царство ценностей, в кото-

ром она видит свой истинный домен». /Риккерт Г./ По мнению Н.И.Кареева, историческая наука описывает то, что есть /или было/ и как оно есть /или было/. А затем уже, после того, когда научно констатированы факты, найдены их причины, указаны их изменения и сделаны на их основе обобщения, ученые могут заняться оценкою того, что установлено наукой. /Кареев Н.И. Теория исторического знания СПб.,1913. С.269/. Добавим, что роль философии здесь не может быть сведена к выработке критериев оценки исторических фактов: эстетических, нравственных, правовых, политических, религиозных и пр., но философия здесь так же, как и в других аспектах, должна выполнять главную селективную функцию отбора исторических ценностей. Таким образом, наиболее полное понимание взаимосвязи философии и исторической науки возможно лишь при рассмотрении всех указанных аспектов.

Комаров В.Д.
(ГМА им. адм. С.О.Макарова)

ФИЛОСОФИЯ КАК СВОБОДОМЫСЛИЕ

Философия родилась в истории культуры как первый вариант теоретического мышления о природе бытия. Преодоление антропоморфности мифологической картины мира было первым шагом свободомыслия.

В истории философии можно проследить прогрессирующее изменение оснований всеобщего свободомыслия. Если усмотреть смысл такого свободомыслия в построении общей картины мира и ее использовании для объяснения феномена человека, то можно видеть, как нарастала содержательность и фундаментальность философствования.

В античности философствование предстает как освобождение человеческого блага от жестких рамок космического Логоса. Порабощение человека социальным Логосом в эпоху эллинизма и римской цивилизации формирует скептицизм как замкнутое в себе свободомыслие. В Византии под влиянием православия этот скептицизм приобретает форму исихазма.

Богословское свободомыслие Средневековья дает простор философствованию на основании освобождающей человека от оков материальности божественной благодати. Эпоха Возрождения формирует философское свободомыслие на основе практического восстанов-

ления единства души и тела в процессе освобождения от церковно-догматической картины положения человека в мире.

Философское самосознание человечества получает качественно новый импульс в пантеистическом материализме Спинозы. Здесь свободомыслие осознает себя на уровне всеобщности, понимая свободу вообще как познанную человечеством природную закономерность (общество понимается как человеческая часть природы). Тем самым открывается путь к научно-обоснованному свободомыслию как его более высокому градусу.

Переход философствования на качественно новую базу теоретического мышления снова раздвигает рамки свободомыслия. Углубленное познание человека как части природной материи освобождает философское мышление от узких рамок сословно-догматической антропологии. Мир предстает в качестве бесконечного объективного пространства для любых проявлений человеческой воли.

Происшедшее в лоне немецкой философии превращение философских наук в методологическую систему теоретического мышления означало исторически и по существу новую ступень в развитии философского свободомыслия. Последнее обретает имманентную рациональную основу и становится родовой функцией философии как науки о формах всеобщего.

В диалектико-материалистической философии всеобщее свободомыслие обретает закономерную форму, сбрасывая вместе с созерцательностью свой прежний субъективизм (особенно фихтеанского и ницшеанского толка). Основанием интеллектуального свободомыслия становится принцип единства теории и практики, выражающий актуальную бесконечность познания и освоения мира человеческим родом.

На основании имманентного единства теории и практики, тождества научного мышления и человеческого бытия относительную устойчивость обретает оппозиционная функция философского свободомыслия. Если раньше, в донаучном состоянии, философское свободомыслие проявлялось в частной, фрагментарной оппозиционности господствующему мировоззрению, то философская наука выражает свое свободомыслие по отношению ко всякой официальной идеологии. Ведь официальная идеология есть мировоззренческий плод застывшей картины мира, а философски развитое научное мышление непрерывно творит развивающуюся картину мира, и на основе последней рождается неофициальная идеология. Антиидеологическая функция философской науки неизбывна.

История философии свидетельствует, что свободомыслие расцветает, как правило, в период созревания социально-революционного поворота в общественном развитии. Философская мысль более чутко «предчувствует» приближение грозы, которая не только обносит всю культурную среду человеческой жизни, но и осмыслит предстоящую грандиозную переоценку ценностей жизни и культуры. Именно коренное свободомыслие позволяет понять направленность этого грандиозного духовного переворота.

Ценностный аспект свободомыслия обусловлен органичной взаимосвязью партийности и научности в развитии интеллектуального опыта человечества. Партийность выражает ту сторону этого опыта, которая связана с групповой расчлененностью общественного разума, тогда как научность характеризует качество, уровень существенной всеобщности этого разума. Именно философское свободомыслие позволяет интеллекту преодолевать узкий горизонт группового идеологического догматизма и вырываться на простор объективного исследования новой ойкумены. Научность конкретно выражает те стороны философского знания о практическом единстве духовного и материального миров, которые ему присущи по предельно абстрактной природе (всеобщность, системность, существенность, интерсубъективность, эвристичность, практичность). Притом по мере превращения научной философии в науку о формах всеобщего предельно абстрактное свободомыслие органически сочетает оптимальность с конкретной эссенциальностью. Правда, здесь философию подстерегает лишь одна опасность — возможность низвергнуться в пропасть иррационализма, если бесцельно разгуливать по тончайшему рубежу между познанным и непознанным.

Философия как наука обладает абстрактнейшим стремлением к свободомыслию, потому что для нее фактически не существует никаких границ для развития интеллектуального духа. Расширяющейся базой свободного полета интеллекта становится спектр философских наук (ныне это диалектика, философия природы, философская антропология, социальная философия, праксеология, философская герменевтика, аксиология, культурология, науковедение).

Весьма своеобразно проявляется закономерное развитие свободомыслия в России как евразийской цивилизации. Здесь абстрактнейшее стремление к новому формируется как специфическое сочетание скептического исихазма (порой манихейского гнозиса) с рациональностью интеллекта. Исторически это сочетание обнаруживается то в форме ересей, то в форме социального юродства (нестяжатели и иосиф-

лине), то в форме русской историософии. Эту специфичность нашего философского свободомыслия в XIX – XX веках ярко выразили в разных ипостасях концепция «русской идеи», философия космизма, евразийская философия. Высокий интеллектуальный потенциал такого свободомыслия преодолевает идеологические границы и западнистского рационализма, и православной религиозности, и марксистского догматизм, и либерально-демократического плюрализма. Поэтому, например, высокое интеллектуальное содержание «русской идеи» до сих пор не могут понять ни советские, ни российские, ни западные, ни восточные философы.

Естественно, в заключительной части предложенных суждений о философичности свободомыслия возникает вопрос: существует ли высший, всеобщий критерий свободомыслия особенно для философской науки? Разумеется.

Вся практическая история развития психологии, философии, науки и техники, культуры вообще свидетельствует: масштаб свободомыслия измеряется интеллектуальным «градусником», планшетом которого является космопланетарное человеческое благо, а шкалой – динамический набор вечных истин. Познание истинного блага и путей к нему есть единственная цель философского свободомыслия.

Иванов Б.И.
СПбФ ИИЕТ РАН

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

Одной из важнейших проблем, активно обсуждаемых и анализируемых современными философами техники, является проблема ответственности человека за создаваемый им техногенный мир.

Попробуем осмыслить эту проблему, и начнем с определения места технической реальности в составе реальности вообще, т.е. с ответа на вопрос, где в многообразии форм материального и идеального бытия реальности и мира вообще находится место технической реальности, технического мира в целом.

Ответ на этот вопрос и прост, и сложен одновременно. Техническая форма бытия материи, техническая реальность, техногенный мир в целом, являясь относительно самостоятельным образованием, взаимодействует со всеми остальными формами бытия, т.е. косвенно включает их в свой состав.

Однако, с другой стороны, в каждый данный исторический момент использование такого арсенала всегда ограничено технико-технологическими возможностями и экономической целесообразностью, а также экологической допустимостью такого использования.

Следовательно, абсолютно полное использование всех форм бытия для создания технической реальности и техногенного мира в целом в принципе невозможно, т.к. доведенное до своего логического завершения оно, в противном случае, привело бы к полному вытеснению техносферой биосферы, а следовательно, к самоуничтожению цивилизации.

Таким образом, существование технической реальности, техногенного мира в целом в рамках реальности и мира в целом внутренне противоречиво. И смысл этого противоречия заключается в том, что техническая реальность включает для своего создания и использования всю реальность и весь мир и в то же время не включает их. То есть техническая реальность и техногенный мир являются частью реальности и мира в целом и в то же время этой частью не являются, противостоя этой реальности и этому миру.

И чтобы это противостояние не было антагонистическим, необходимо, чтобы при создании технической реальности и техногенного мира в целом, человек опирался в своей деятельности на твердые этические принципы.

Среди этических проблем, непосредственно связанных с техническим прогрессом, одной из важнейших выступает проблема ответственности.

Это новое направление в традиционной этике рассматривается, например, немецкими философами техники в трех аспектах: ответственность по отношению к природе, по отношению к человеку и по отношению к самой технике, ее созданию и применению.[51]

Не отрицая правомерности вычленения и анализа проблемы ответственности по каждому из названных аспектов, подчеркнем принципиальную важность целостного ее рассмотрения, предусматривающего учет всех сторон и граней проблемы ответственности. ибо в целостной системе «природа — человек- техника» каждая из ее подсистем, являясь относительно самостоятельной, в то же время тесно связана с другими подсистемами, развитие которых определяет развитие данной подсистемы и, в свою очередь, испытывающих на себе влияние данной подсистемы.

---

[51] Философия техники в ФРГ (пер. с нем. и англ.), М., 1989, С. 17-18.

Более того, именно идея ответственности позволяет такие разные подсистемы, как природа, человек и техника сделать единым целым в человеке, в единстве его ответственности. Эта идея ответственности применительно к трем областям человеческой культуры — науки, искусства и жизни — была разработана нашим соотечественником, крупным философом и мыслителем М.М.Бахтиным (1895-1975) в его двухстраничной статье «Искусство и ответственность», опубликованной в невельском однодневном альманахе «День искусства» в 1919 г.[52] Это было первым и программным выступлением Бахтина, предваряющим замысел его основной работы «К философии поступка».[53]

Важнейшие методологические принципы, высказанные М.М.Бахтиным, в своих статьях могут послужить основой и для характеристики ответственности ученых и инженеров.

Выделив в целостной системе мироздания три сферы: «природу», «общество» и «технику», попробуем доказать, что все они также обретают единство в личности, которая и приобщает их к единству, единству ответственности.

Раскроем эту диалогическую логику ответственности на примере взаимоотношений общества и техники. При этом неправомерно для оправдания безответственности при создании техники ссылаться на потребности общества в соответствующей технике. Потребности в технике, игнорирующей природу и общество и сами игнорируемые ими, не есть истинные природно-социальные потребности, есть чисто технические потребности, где техника из средства превращается в самоцель, и истинный пафос взаимоотношений общества и техники заключается лишь в том, чтобы облегчить свою задачу, снять свою ответственность, ибо обществу легче создавать технику, не считаясь с естественной природой и своей собственной природой, так же как технике функционировать, не считаясь с интересами общества и отвечая ему и природе отрицательными социальными и экологическими последствиями.

Ни правда общества, оправданная в своих границах, ни правда техники, тоже суверенной в своей определенности, не являются подлинной, органической правдой, не говоря уже об «органическом» слиянии этих правд в одну истину. Как же тогда возможно добраться до правды?

---

[52] Махлин В.Л. Философия поступка. М., 1990. С. 12-14.

[53] Бахтин М.М. К философии поступка//Философия науки и техники. М., 1988. С. 108-122.